

УДК 378.016:004.7
ББК 74.58
Т-27

Тюмидова Марина Егоровна, аспирант Калмыцкого государственного университета.

**ПРИРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ
КАЛМЫЦКОГО ЭТНОСА**
(рецензирована)

В статье рассматриваются природно-хозяйственные основания ментальности калмыцкого этноса. Отмечается, что кочевой образ жизни и скотоводство как основной вид деятельности калмыков наложили характерный отпечаток на все стороны жизни и быта кочевников, в том числе на их психический склад и особенности мирозерцания.

Ключевые слова: *ментальность, калмыки, этнос, скотоводство, номадизм, кочевники, природно-хозяйственные факторы.*

Tyumidova Marina Yegorovna, post graduate student of Kalmyk State University.

NATURAL AND ECONOMIC BASIS OF THE KALMYK ETHNOS MENTALITY
(Reviewed)

The article deals with natural and economic base of the mentality of the Kalmyk ethnicity. It is noted that nomadic way of life and cattle- breeding are the main activities of the Kalmyks that left a distinctive mark on all the aspects of life and living conditions of the nomads, including their psychic mentality and outlook.

Keywords: *mentality, the Kalmyks, ethnicity, animal husbandry, nomadism, nomads, natural and economic factors.*

Природная среда обитания является одной из основных доминант формирования и функционирования этноса и его культуры. Зависимость человека от природы всегда существует, но в древности она была более прямой и непосредственной, что отразилось как на материальной, так и на духовной сторонах жизни этноса. Этнос и природная среда его обитания формируют единую экологическую систему. Этнос, долгое время находящийся в той или иной природной среде, по крайней мере, на изначальных этапах своего развития, вынужден приспосабливаться к ней, формируя специфические способы ее освоения. Эти способы детерминируют своеобразный склад характера представителей этноса, психологические черты, которые оказывают влияние на формирование ценностной картины мира и поведенческие модели этноса.

Природно-географические особенности «месторазвития» (климат, рельеф местности, флора и фауна) оказывали значительное влияние на формирование элементов духовной культуры этноса и его культурно-психологический склад. Итогом выступают различные этнопсихологические эталоны, проявляющие себя в формировании определенных моделей общественного поведения, обычаев, обрядов, традиций, в которых проявляются черты быта народа. Ландшафты этнического пространства ассоциируются в сознании народа с «родной землей».

Калмыцкий народ издревле занимает территорию Прикаспийской низменности, обрамленную на западе возвышенной грядой Ергеней. Южная граница республики очерчена низовьями реки Кумы и Кумо-Маньчской впадиной. Небольшой участок Калмыкии заходит в пределы Ставропольской возвышенности, примыкающей к озеру Маньч-Гудило – самому крупному из всей гирлянды соленых Маньчских озер. Следует отметить, что калмыки, придя в Нижнее Поволжье, освоили огромное пустое степное пространство. Сухая и безводная степь сложна для обитания, и потому была крайне редко заселена людьми.

Калмыкия, по-видимому, самая засушливая часть России. Климат республики континентальный с жарким знойным летом и холодной зимой. Осадки выпадают крайне неравномерно от года к году и по сезонам года. При этом, суровые зимы в степях Калмыкии

не были редкостью. Глубокие снега, гололедица и, как следствие, бескормица приводили к большим потерям скота. Так, например, страшной зимой 1798 г. погибло более полумиллиона голов скота. Не успев оправиться от этих тяжелых потерь, в начале тридцатых годов XIX века калмыки снова лишились почти половины своих стад.

Степь с ее особенностями климатических условий, уникальной географической средой, растительным и животным миром обусловила не только антропологию, но и образ жизни, культуру, космологию, религию, картину мира степных жителей. Прекрасное знание разнообразных природных явлений позволяло калмыкам адаптироваться к изменениям климата.

Особенности кочевого способа бытия выступают как основания его аксиологической системы. Калмыки были одними из последних классических представителей номадической цивилизации Евразии и по существу являлись и последними носителями мегакультуры кочевой цивилизации. Государственная организация номадов отличалась от других тем, что в ней не было жесткой границы между собственно гражданской и военной организацией. Поэтому калмыки, совершая свой «великий исход», передвигались маршрутами, двигались от одного пункта к другому. Однако эти пункты сами принадлежали маршруту, тогда как для соседних оседлых народов всегда пункты задавали маршрут. В своем передвижении калмыки населяли преимущественно степное, относительно ровное пространство, реперы которого постоянно смещались вместе с трассой, а пространство оседлых соседей, напротив, было жестко расчерчено границами, рокадами, полисами.

Главные принципы номадического сознания – динамичность идеи пути, мобильность, культурно-генетическая восприимчивость к переменам, идентичность человека как частицы Космоса. Традиционное мышление кочевника основывается на главном принципе мировосприятия – сопричастность человека к вечности Вселенной. Пространственное и созерцательное мышление кочевника служит основой познания окружающего мира, позволяет ощущать свое нерасторжимое единство с окружающим миром, природой. Кочевое сознание выступает как символ вечного движения, характеризуется интуитивностью, особой философско-логической умозрительностью, уникальной хозяйственной рациональностью, где степь (хозяйство) и кочевник (хозяин) сопряжены, нераздельны. Целостность антропологического типа мышления номадов трудно оспаривать: сама история кочевых народов представляет свои смысложизненные ориентиры, имеющие универсальную значимость и по сей день [1].

Кочевье представляет собой специфическую социокультурную систему, специфический культурный тип, который тесно связан с особым образом жизни, ценностями, мировоззрением и т.п. «Кочевой образ жизни народов степи сыграл важнейшую роль в создании оригинальной культуры и формировании других социальных систем. Кочевание представляет собой уклад жизни людей, приручивших животных для обеспечения своей жизнедеятельности. Кочуя вместе со своим скотом, пастушеские народы осваивали естественную природу, идентифицируя себя как ее часть. Ментальность кочевников определяется в первую очередь их хозяйственно-трудовой деятельностью – разведением, выпасом и содержанием одомашненных четвероногих животных для получения молока, мяса, кож и т.д.» [2].

К сожалению, в рамках господствовавшего долгое время в отечественной науке формационного подхода номадическая (кочевая) культура практически была исключена из контекста научного осмысления. И даже в русле цивилизационного подхода кочевая цивилизация обычно рассматривалась как несостоявшаяся, ввиду того, что она оказалась, по мнению адептов данного научного направления, раздавленной собственной природной стихией, в лоне которой она зародилась. Кочевники представлялись банальными рабами степи и, как следствие этого, превращались в общество, не имеющее истории.

В отличие от оседлого земледельца, укоренившегося на своей земле, кочевник-калмык находился в постоянном движении. Поэтому для калмыка пространство было безгранично. Калмык постоянно (хотя бы в цикле годовой кочевки) передвигался на сотни и

тысячи километров, что уже само по себе расширяет кругозор, общался с представителями других родов и племен. Стремление калмыков узнать окружающий мир, и уважение к тем, кто много путешествует отражено в пословице «Чем спрашивать старика, пролежавшего век на боку, спрашивай парня, обошедшего весь свет».

Для воинской культуры кочевников Евразии всегда был характерен рыцарский этос (нормы и ценности морали, личностные образцы поведения, исторический тип нравственности). Одна из основных особенностей рыцарского этоса – индивидуализм, соперничество индивидов ради славы, почестей, что выражено в эпосе «Джангар». В героическом эпосе «Джангар» каждый герой наделен особыми, только ему присущими качествами, чертами характера. Однако индивидуализм калмыков всегда был в гармонии с коллективным началом, поскольку без общества, без нации индивид – ничто. Индивидуализм калмыков проявляется в стремлении к оригинальности, в желании выделиться на фоне других, обратить на себя внимание, т.е. он артистичный.

Можно даже говорить о генетической связи рыцарского этоса с традиционной кочевой культурой. Современные исследователи отмечают происхождение рыцарской культуры Европы из культуры конно-кочевой цивилизации Евразии. С Востока, считает итальянский историк Ф. Кардини, «явились не только полчища искусных и бесстрашных всадников, повергшие в ужас и трепет жителей Европы, но вместе с ними был занесен как некий прекрасный социальный и культурный идеал образ воителя верхом на коне, защитника людей и повергателя чудовищ, оказавшийся исключительно важным для становления рыцарства и, более того, средневекового христианства и средневекового менталитета вообще» [3].

Кочевые условия жизни определяли развитие у калмыков кочевого скотоводческого хозяйства. Фундаментальной основой скотоводческой практики калмыков являлась природа во всем ее многообразии: земля, вода, растительность, животные и люди. Сложилась целая система взаимоотношений человека с природой, основанная на признании законов развития окружающей природы, необходимости их учета в хозяйственной деятельности, понимании степи как живого организма, без которого немислимо само существование кочевника и кочевой культуры.

Был выработан определенный порядок чередования пастбищ, методы и приемы выпаса скота. Калмыки имели постоянные зимовки, откуда уходили на весенние и летние пастбища. Такой метод ведения кочевого хозяйства позволял обеспечивать поголовье скота подножным кормом круглый год и при этом сохранять пастбища. Сезонные кочевания регулировали антропогенную нагрузку: давали возможность восстанавливаться травяному растительному покрову, уменьшали стаптывание и уплотнение почв, не способствовали развитию эрозионных процессов.

Представление о перекочевках, как якобы имеющих единственной целью обеспечение стада кормами, не раскрывает полностью хозяйственно-экономическое значение этой довольно трудоемкой производственной операции. Ее действительными целями являются как обеспечение скота кормами, так и восстановление плодородия использованных пастбищ для того, чтобы иметь возможность к ним вернуться в соответствующий сезон очередного производственного цикла. То есть, перекочевки являются наиболее рациональной и целесообразной формой использования земли в условиях пастбищного скотоводческого производства при данных природно-климатических условиях и данном уровне развития производительных сил [4].

Калмыки придерживались определенных табу, так запрещалось рвать траву с корнями, рыть ямы в земле, рубить деревья, загрязнять реки. Используя воду, люди должны были позаботиться о том, чтобы сохранить первоначальную форму и вид источника. Таким образом, сформировалась экологическая этика, состоявшая из табу, которые обеспечивали жизнь природы в ее первоначальной форме. В калмыцкой культуре проявлялась ответственность за «существование» природы. Калмыки верили, что дикие животные имели хозяина, который контролировал периоды размножения, количество голов в стаде, возраст и

вес животных. Подобное регулирование сохраняло равновесие в природе. Культура обеспечивала особый кодекс поведения калмыков для существования в окружающей среде. Психологические страхи, имевшие место в умах людей, и принятие сверхъестественного преследовали более важную цель: обеспечить природное и общественное благополучие [5].

Суровые условия жизни формировали философское отношение к богатству, так как калмыки понимали его преходящую природу. Говорилось: «Богатство до первого бурана, богатый – до первой пули, богатство – это снег, который пал на спину скота, вечно добро, нажитое потом, трудом, а богатство преходяще». Н.А. Александров отмечает, «налетит шурган, или снежная буря с метелью, которая на Урале называется буран, а в Сибири пурга, и тут уже она, незадерживаемая ни горами, ни лесом, свирепствует совершенно свободно по широкой, ровной степи. Тут она бывает так стремительна и гонит с такой силой по снежной глади даже крупный рогатый скот и табуны лошадей, что несчастные животные бегут до изнеможения, пока не падают замертво. Говорят, что бывали случаи, когда скотовод, насчитывавший у себя в стадах десятки тысяч голов, становился на другой день, после налетевшего жестокого шургана, совершенно нищим» [6].

Итак, перед калмыками кочевниками всегда существовала опасность разорения. Для разрешения этих трудностей им приходилось включать социальные механизмы регулирования. Существовала традиция помогать бедным и престарелым. Решением общего собрания им выделяли скот – дойных коров, чтобы обеспечить их молоком, овец – на мясо. Были состоятельные люди, которые давали престарелым скот на зимнее питание («увлин идиш»), кошму для покрытия кибиток, шерсть, из которой они могли изготавливать принадлежности кибитки, теплые кошменные носки. Милосердие проявляло общество или отдельные граждане при отсутствии каких-либо учреждений социального обеспечения. Поэтому в калмыцком обществе не существовало нищеты, хотя бедных было достаточно много.

В целом, можно отметить, что кочевой образ жизни и скотоводство как основной вид деятельности калмыков наложили характерный отпечаток на все стороны жизни и быта кочевников, в том числе и на их психический склад, на язык, на особенности мирозерцания. Кочевник при деятельности в степи должен был стать частью природы, действовать соответственно устоявшемуся природному ритму, выжидая нужного момента и подготавливая все необходимые условия для получения постоянного результата. Эти обстоятельства обусловили формирование зависимости калмыков от степного окружения и послужили фоном для развития таких черт характера, как безмятежность, неторопливость, методичность в выполнении работ, сдержанность в проявлении чувств, созерцательное отношение к жизни.

Литература:

1. Александров Н.А. Калмыки. Степи. (Где на Руси какой народ живет и чем промышляет). Чтение для народа. М., 1901. С. 11.
2. Бадмаев В.Н. Национальная идентичность в поликультурном пространстве Юга России. Элиста, 2012. С. 65-67.
3. Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 331.
4. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 19.
5. Павлов С.П. Животноводческая практика и экологическая этика калмыков // Народы Калмыкии: Проблемы национальной идентичности и менталитета. Элиста, 2005. С. 141.
6. Хухэ М. Степная культура в контексте развития кочевых народов // Молодой ученый. 2012. №3. С. 477-478.

References:

1. Alexandrov N.A. *The Kalmyks. Steppes. (Where people live and what they do in Russia). Reading for people. M., 1901. P. 11.*

2. *Badmaev V.N. National identity in a multicultural area of the South of Russia. Elista, 2012. P. 65-67.*
3. *Vladimirtsov B.J. Work on the history and ethnography of the Mongolian people. M., 2002. P. 331.*
4. *Cardini F. Origins of medieval knighthood. M., 1987. P. 19.*
5. *Pavlov S.P. Livestock practices and environmental ethics of the Kalmyks // Peoples of Kalmykia: Issues of national identity and mentality. Elista, 2005. P.141.*
6. *Khukhe M. Steppe culture in the context of nomadic peoples // Young scientist. 2012. №3. P. 477-478.*